

Называй меня Мэри

Жизнь Олега Кобзаря, полицейского в отставке и ветерана АТО, сложно было назвать легкой. Днем — работа таксистом, вечером — лечение душевных ран алкоголем в пустой квартире. Казалось, хуже некуда. А потом эта встреча в баре с девушкой по имени Мэри. Она просила о помощи... Следующим утром Олег проснулся рядом с безжизненным окровавленным телом Мэри. Оказывается, хуже все-таки есть куда. Теперь Кобзарь — подозреваемый в убийстве. И не в одном, а в целой серии. Вот только он не убивал. У Кобзаря нет ни алиби, ни свидетелей — ничего. Но следователь Вера Холод — единственная, кто готов пройти вместе с Олегом путь к полному оправданию.

АНДРЕЙ КОКОТЮХА

НАЗЫВАЙ МЕНЯ МЭРИ

НАЗЫВАЙ МЕНЯ
МЭРИ

АНДРЕЙ КОКОТЮХА

НАЗЫВАЙ МЕНЯ
МЭРИ

Роман

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2021 **СЕМЕЙНОГО**
ДОСУГА

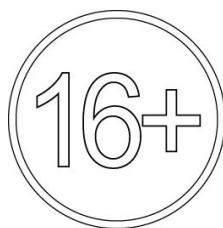

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8665-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Переведено по изданию: Кокотюха А. Называй мене Мері : роман / Андрій Кокотюха. — Київ :
Нора-друк, 2019. — 352 с.

Перевод с украинского *Марты Лисицкой*

Дизайнер обложки *Иван Дубровский*

Життя Олега Кобзаря, поліцейського у відставці і ветерана АТО, складно було назвати легким. Удень — робота таксистом, увечері — лікування душевних ран алкоголем у порожній квартирі. Здавалося, гірше нема куди. А потім ця зустріч у барі з дівчиною на ім'я Мері. Вона просила про допомогу... Наступного ранку Олег прокинувся поряд із закривавленим тілом Мері. Виявляється, гірше все ж таки є куди. Тепер Кобзар — підозрюваний у вбивстві. І не в одному, а в цілій низці. От тільки він не вбивав! Але в Кобзаря немає ні алібі, ні свідків — нічого. Слідча Віра Холод — єдина, хто готовий пройти разом з Олегом шлях до цілковитого виправдання.

Кокотюха А.

К59 Называй меня Мэри : роман / Андрей Кокотюха ; пер. с укр. М. Лисицкой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 352 с.

ISBN 978-617-12-8440-1

ISBN 978-966-688-032-4 (укр.)

Жизнь Олега Кобзаря, полицейского в отставке и ветерана АТО, сложно было назвать легкой. Днем — работа таксистом, вечером — лечение душевных ран алкоголем в пустой квартире. Казалось, хуже некуда. А потом эта встреча в баре с девушкой по имени Мэри. Она просила о помощи... Следующим утром Олег проснулся рядом с окровавленным телом Мэри. Оказывается, хуже все-таки есть куда. Теперь Кобзарь — подозреваемый в убийстве. И не в одном, а в целой серии. Вот только он не убивал! Но у Кобзаря нет ни алиби, ни свидетелей — ничего. Следовательница Вера Холод — единственная, кто готов пройти вместе с Олегом путь к полному оправданию.

УДК 821.161.2

© Кокотюха А., 2019, 2021

© DepositPhotos.com / outsiderzone, monkeybusiness, TheVisualsYouNeed, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2021

«То, для чего тебя можно использовать».

Так говорил его дед. Все, что тебе нужно, — это то, для чего тебя можно использовать.

Ю Несбе. Жажда

Часть первая. Называй меня Мэри

1

Он ждал возле дома.

Место для засады не идеальное. Трудно оставаться незамеченным, когда машина торчит во дворе, прямо напротив детской площадки. Там, как в годы его юности и юности родителей, по неизвестно кем заложенной традиции собирались под вечер люди. Например, парочки — целоваться. Или небольшие компании с пивом либо чем-то более крепким. Вот и сейчас в сумерках на лавке рядом с низенькой пластмассовой горкой, которые ставят во дворах новостроек, сбилась в кучку троица.

Не мужики.

Даже с поднятым стеклом слышались громкие женские голоса. Он мог определить возраст на слух. Только по отрывкам разговора, которые долетали до него, вычислил: собрались подруги, плюс-минус ровесницы его бывшей жены. Женщины до сорока лет. Кто б еще, называя приятельниц «девочками», нещадно, добела перемывал косточки мужчинам, которые ничего не делают по жизни и от которых все давно устали. А также обсуждал некую четвертую, которая наконец-то ушла от своего, и поминал все незнакомые ему, но, наверное, популярные телешоу... Они запросто меняли тему, переходили от растущих цен на харчи к ценам на коммуналку — и так же легко возвращались к телевидению.

Компания была по макушку занята собой.

Но для полиции это *свидетели*.

В свое время, грызя комковатый сыщицкий хлеб, он сам в первую очередь искал таких людей, когда опергруппа выезжала на очередной *убой*. Сюда после *всего* тоже примчится полиция. Пусть телевидение, Интернет и социальные сети сколько угодно говорят и пишут об оттоке профессионалов из органов, общем снижении качественного уровня личного состава и системном уничтожении уголовного розыска как структуры. Да, все это имеет место. Началось уже на его памяти. Если спросят — сам может многое рассказать о том, что в розыске на самом деле некому работать, с преступностью никто не борется, процент раскрываемости самый низкий за последние двадцать лет.

Тем не менее расслабляться он не советовал бы никому и никогда.

Себе — прежде всего.

Потому что оперативники вместе с участковым *все равно* обязаны забрасывать самую большую, самую густую сеть. Они будут выискивать и подробно описывать всех возможных и невозможных очевидцев происшествия. А тем не обязательно видеть. Достаточно слышать крики, звуки выстрелов или ударов, шум мотора.

Подобные компании — всегда находка для розыска.

Да, в мартовских сумерках его вряд ли кто-то разглядит, чтобы потом узнать.

Однако коллективный разум, которым является любой розыск, непременно сложит разрозненные детали в целостную картину. Рано или поздно полиция возьмет след. Профессиональный уровень тут ни при чем.

Сработает Система.

Она только кажется громоздкой и на вид неповоротливой, *кондовой*.

Еще во времена службы в органах он успел убедиться: самые лучшие преступления планируют только милиционеры. От того, что их уже почти полгода как переименовали в полицейских, ничего не меняется. Возможно, Система пополнилась. Но не очистилась.

Этим вечером он собирался внести в процесс очищения посильный вклад.

Тот, кого он подстерегал, задерживался. Хотя его распорядок дня не был таким уж насыщенным. С утра на службе, потом отправлялся куда-то на обед, мог задержаться для частной беседы с солидного вида мужчинами в дорогих костюмах. Возвращался и не выходил из управления раньше семи вечера. Дальше катался по центру, заворачивая теперь уже в небольшие дорогие рестораны. Посторонние там бросались в глаза сразу, так что всякий раз приходилось оставаться в машине и ждать, пока *объект* выйдет. Можно только предполагать: в тишине подобных ресторанчиков решались вопросы более серьезные, чем за обедом.

Дома *объект* не ждали. Так что возвращался он не раньше одиннадцати.

Сегодня он проводил своего подопечного до маленького клуба на Подоле, оставил там и покатил сюда, под дом. Все равно приедет, он не из тех, кто меняет привычки.

22.30.

Коснулся бейсбольной биты, которая лежала рядом на пассажирском кресле.

Женщины, похоже, не собирались расходиться. Или их тоже никто не ждал дома, или, скорее всего, подруги давно не виделись, не делились наболевшим. Годы оперативной работы научили его читать незнакомцев по манере общения, интонациям, даже употребляемым ударениям. Так что он мог поспорить: все три работают где-то здесь, рядом.

Скорее всего, на большом базаре, одном из таких, которые дают рабочие места двум третям жителей любого киевского микрорайона. Тем более спального, той части Оболони, которая прилегает к метро, названному в честь героев Днепра, и плавно перетекает в одну из городских окраин. *Девочки* наверняка трудились до девяти. Потом еще какое-то время убрали рабочие места, закрывали их. И вот теперь снимали стресс после двенадцати часов неблагодарной, еще и плохо оплачиваемой работы.

Если тот, кого он заждался, появится, а они еще не разойдутся, — придется на ходу придумывать новый план.

До площадки метров тридцать, вряд ли больше.

Не разглядят, но испугаются.

22:37.

Кажется, уже всё, насиделись.

Он с облегчением выдохнул, провожая взглядом небольшую женскую компанию, которая наконец наговорила и стала разбредаться. Одна из женщин собралась выбросить мусор в ближайший контейнер вместе с пакетом. Другая остановила ее, вырвала пакет, высыпала содержимое в бак, а *тару* аккуратно потрясла, свернула и сунула себе в сумку. Невольно зыркнула на его машину, скользнула взглядом без какой-либо цели и интереса, двинулась дальше, интимно взяв приятельницу под локоть.

Двор опустел.

Он снова потрогал биты.

22:45.

Вечер вспороли фары.

Неспешно заехал знакомый джип.

Остановился.

Открылись двери со стороны водителя.

Пора!

В таких случаях лучше действовать сразу. Не дать противнику возможности опомниться, понять все, хоть как-то оценить ситуацию и соответственно с ней действовать. Включив свои фары, он подвинул ближе к себе биту и слишком легко для человека, который собрался переломать руки-ноги давнему знакомому, вышел из машины навстречу прибывшему.

— Привет, Свистун!

— Вечер добрый... А...

Двери со стороны пассажира в этот момент тоже открылись.

— Оп-паньки! Лилик! — воскликнул Свистун, наконец рассмотрев того, кто поздоровался. — Зай, ты глянь, кто здесь! Сколько лет! Я думал, тебя на Донбассе убили!

— Жив.

— Да вижу! Не, зай, ты глянь на него! Явление в лаптях!

Из машины выходила молодая женщина, даже не так — совсем еще девчонка. Куцее пальтишко, полы до бедер. Под ним — джемпер, юбка до колен, ботфорты на стройных ногах. Короткая челка, Свистун всегда любил блондинок, даже крашенных.

Черт! Дерьмо!

Не один. Такой вариант нужно было предусмотреть.

Свидетель, посторонний не входил в планы.

Придется забыть о бите. А другого плана пока не было.

— Это кто, Дим? — Голос приятный, но неприкрыто усталый.

— Старый друг, Олежка Кобзарь! Мы его Лиликом называли! Знаешь, кто такой Лилик? Летучая мышь! Считай — Бэтмен! Га-га, братан, красавчик! Я заценил!

Раскрыв объятия, Дмитрий Свистун двинулся на него.

Олег Кобзарь закрыл двери своего авто, грустно скользнув взглядом по удобной деревянной бите.

Обдало легким запахом — Свистун на его памяти частенько садился за руль поддатым.

2

Стриженую блондинку звали Миленой.

И она не очень обрадовалась, когда Свистун потащил Кобзаря к себе.

На ее месте Олег также не слишком радовался бы, потому что это заметно расходилось с ее планами. Но и в его планы визит к тому, кого нужно во что бы то ни стало наказать, тоже не входил. Однако, пока он вяло отнекивался, ища правильный выход, понял: другого варианта уже просто нет.

Потому что Кобзарь не отступится. И в следующий раз придется объяснять, почему снова вот так случайно столкнулись. Свистун не пальцем деланный. Зная, что вокруг происходит, ситуацию просчитает на раз-два. Поэтому третьей встречи может и не быть.

Думай, думай, думай...

— Я так и не вкурил, какого хрена ты здесь ошивался, — спросил Свистун уже в лифте, встав между Олегом и Миленой и нажимая на кнопку.

Консьержки нет.

Кодовый замок на двери.

Плюс, хорошо, Олегу нравилось. Еще раньше он зацепил это обстоятельство, когда определялся с местом для *акции*. Не должно было оказаться случайных свидетелей, и тут эта блонда...

— Так, — ответил неопределенно. — Дела.

— Конспиратор, ага? — Свистун подмигнул блондинке, та закатила глаза. — Скажи еще — по работе. Может, ты в частный сыск подался?

Он лукавил. Прекрасно знал, где трудился Кобзарь после возвращения с Донбасса.

— Мы с тобой в курсах, Димон, какой у них хлеб. Это в книжках все сложно написано. На деле еще скучнее.

— Не читаю я книжек, Лирик, не читаю. Некогда, работы сейчас выше крыши. — Говоря так, он почему-то чиркнул себя ребром ладони по горлу. — Времени на личную жизнь — ноль целых, ноль десятых. У тебя как, наладилось?

— Куда там. Еще до войны, ты же знаешь...

— Ой, не надо про войну, я вас умоляю! Какая война, мама родна! С кем война! Это придумали все, пропаганда. Чтобы прикрывать свое

воровство. Ну его, мы же взрослые пацаны с тобой.

Лифт остановился на восьмом этаже. Свистун шутовски пригласил Милену выходить первой. Она раздраженно дернула Дмитрия за рукав, кивком выставляя из кабины. Тот шагнул, но все равно протянул блондинке руку, будто бы та была в авто или старинной карете. Кобзарь вышел последним.

— Так я тебя, брат, прокачал! — воскликнул Свистун, роясь в кармане в поисках ключа. — К кому-то по холостяцким делам заехал. Колись, Лилик, колись!

Указательный палец нацелился ему в грудь.

— Угадал. — Олег развел руками.

— Тоже мне, гадалка. Цыганка с картами, — фыркнула Милена.

— Это такое дело. Нужное.

Подбросив связку ключей в правой руке, левой Свистун легонько шлепнул блондинку ниже спины, подмигнув Кобзарю. Он думал, девушке не понравится. Но Милена держалась так, будто ничего не случилось. Только сделала шаг в сторону. Свистун попал ключом в скважину, и этот жест дал понять Олегу, насколько тот пьян.

Не слегка.

Не после пары бокалов вина или пива.

Не после стаканчика виски со льдом.

Все серьезнее.

И это Кобзаря устраивало — новый план сложился, как только вошли в квартиру.

3

Две комнаты.

Ничего особенного, скучно. Планировка стандартная для застройки сорокалетней давности. Хозяин стал включать свет по всей квартире сразу, начиная с коридора, таким образом приглашая гостей проходить. Узенький коридор поворачивал в большую комнату, двери которой Свистун открыл несильным пинком.

По моде нового времени тут было мало мебели: стандартный мягкий гарнитур, стеклянный журнальный столик, плоский прямоугольник телевизора на стене. Угол возле окна отгорожен настоящей барной стойкой. За ней находился собственно бар: несколько полупустых бутылок, коньяк и виски, отдельно — округлые низенькие стаканы из толстого стекла.

— Добро пожаловать!

Сделав в сторону бара широкий жест, Свистун снял плащ, швырнул на угол дивана, потер руки. Милена тем временем присела на краешек, прижавшись бедром к столику, и верхнюю одежду снимать не торопилась. Кобзарь воспользовался случаем, быстренько встал рядом, даже дурашливо шаркнул ногой.

— Позвольте?

— Что? — Блондинка взглянула на него снизу вверх.

— Пальто ваше. Помогу.

— Давай-давай! — поощрил Свистун. — Я тут немного того... В тайную комнату. Всю дорогу терплю. Будь как дома, Лилик. Бери стаканы, наливай, что видишь. Я сейчас.

Хозяин вышел, притворив за собой двери. На короткий миг воцарилось молчание, его нарушила Милена:

— Даже не знаю. Будто чувствовала...

— В смысле?

— Ничего не выйдет. У вас тут мужская компания.

— Вы не мешаете. Я же случайно тут оказался.

— Старым друзьям всегда есть о чем поговорить. Не интересно.

Милена поднялась.

Так просто...

Кобзарь обрадовался: все, чего он хотел, происходило само собой. А блондинка сначала надула губы, потом сжала их, вытянув в узкую

линию, смерила Олега очередным уничтожающим взглядом.

— А что это я вдруг? — Пальцы уже расстегивали пуговицы на бордовом пальто. — В конце концов, имела планы на вечер. Свои. Из-за него, — кивок на закрытую дверь, — поменяла. Выходит, теперь должна послать все, вечер не удался? Лучше бы уйти тебе.

Пальцы ее справились с пуговицами.

Теперь Милена смотрела вызывающе. И при свете люстры Кобзарь рассмотрел в ее глазах те самые огоньки, что и у Свистуна. Только если тот был пьян, то блондинка — нет. От нее совсем не пахло алкоголем. Зато расширенные зрачки были красноречивее каких-либо запахов.

— Могу компенсировать тебе. — Олег заговорил блондинке в тон.

— Компенсировать?

— Бог троицу любит.

— К чему...

— К тому. — Времени уже критически не хватало, Кобзарь перешел в наступление, шагнул ближе, взялся за края бордового пальто двумя руками. — Планы свои ты поменяла уже дважды. Не страшно, если поменяешь их в третий раз. Хорошо. Хорошая примета.

Милена продолжала смотреть на него недовольно, с презрением — уже успела оценить старую кожанку, не последнего фасона джинсы, дешевенькие туфли на толстой подошве. Но Кобзарь заметил новое: чертики интереса.

Его правая рука скользнула ей под пальто.

Прошлась по талии, опустилась до ягодицы, слегка стиснула.

— Ты чего?

— Ничего. Или — то самое. — Олег уже не подбирал подходящих слов, отпустил себя, молот первое, что взбрело в голову, пусть и выглядел глуповато. — Можем поехать отсюда вместе. Ко мне. Обещаю, твои планы на вечер я не нарушу. Не загадывай. А ну как нынешний вечер изменит твои планы на всю жизнь?

— Даже так?

— Кто знает. Но попробовать ведь можно. Такое безумие...

Вот она — искорка интереса.

— Мне нравится. Ты не такой, каким показался на первый взгляд.

— Первое впечатление никогда не бывает верным. Так едем отсюда?

Пока он говорил, двери за спиной приоткрылись. Кобзарь напрягся, но не спешил оборачиваться. Наоборот, сильнее прижал к себе Милену, уже нашел ее губы своими. Коснулся. Она ответила, потому что *видела* Свистуна в проеме и его реакцию.

Ей нравилось.

Завелась.

— Э, стоп! Какого... Твою... Вашу мать, Кобзарь! Охренели совсем оба!

4

Теперь Олег позволил себе обернуться.

Не спеша, с видом хозяина положения. Заслонил собой Милену, которая в тот момент облизнула губы и зачем-то подмигнула Дмитрию. А тот, замерев в проходе, еще не мог окончательно оценить увиденное и справиться с неожиданными эмоциями.

— Тут кто-то третий. Значит, лишний, — произнес Кобзарь спокойно. — И вообще, коллега, застегни ширинку.

Штаны Свистуна были застегнуты.

Но он машинально, как сделал бы это любой мужчина, глянул вниз, потянулся к молнии. Потрогав себя спереди, убедился: обманули. Милена звонко хохотнула. Кобзарь развел руками. Хозяин дома покраснел.

— Ну-ну. Откуда взялся на мою голову? Вылез из-под земли, буквально. Сто лет тебя не видел и еще столько же не видеть бы. — Свистун сжал кулаки, двинулся на Кобзаря. — Вали отсюда сам, козел. Совсем вали. А с тобой, — он взглянул на блондинку через плечо, — у нас еще будет отдельный разговор.

— Он имеет на тебя права? — спросил Олег, не оборачиваясь.

— Я его вообще сегодня вижу второй раз! — выкрикнула Милена. — А тебя — первый! Достали уже оба!

Это не входило в новый план. Вот что значит импровизация, когда ничего не продумано.

— Ты хочешь быть тут? — сказал он девушке, не сводя взгляда со Свистуна.

— Хочет! — гаркнул Дмитрий.

— Тебя не спросили! — Блондинка выступила вперед. — Теперь точно ничего не хочу! Вы — два психа! Я не удивлюсь, если все разыграли заранее! Придурки!

Милена решительно двинулась к выходу.

— Стоп! — Свистун попытался ее остановить.

— Пусти! — крикнула она. — Я буду кричать! Соседи услышат!

Кобзарь встал между ними.

— Брэк! Милена, ты видела мою машину. Спускайся, жди меня там, возле нее. Я приду сейчас.

— Нашел дуру! — огрызнулась блондинка. — Или даете пройти, оба, или я вызываю полицию!

— Забыла, сучка? Полиция тут! — Свистун ударил себя кулаком в грудь.

— Ах, сучка? — Милена топнула ногой. — Скорее дура, потому что связалась с таким! А ты, — кивок в сторону Олега, — не лучше. Пустите, сказала!

— Никто не держит, — процедил Дмитрий.

— Я найду. Езжай спокойно, — сказал Кобзарь.

— Потеряйтесь вы оба!

Блондинке никто не помешал пройти. Уже в дверях она обернулась, показала мужчинам средний палец, перед тем облизнув его. А потом высказала все, что думала о них. Не выбирая слов.

— Ого! — вырвалось у Свистуна.

— Ничего себе, — подхватил Олег.

На какое-то мгновение увиденное и услышанное даже примирило обоих. Но как только Милена ушла, хлопнув входной дверью, они снова уставились друг на друга, будто бойцовские псы перед сигналом хозяев.

— Дальше что? — глухо произнес Свистун. — Так и будем стоять?

— Можем выпить? Не срать же из-за какой-то телки, пусть и породистой.

Дмитрий сделал два шага назад, теперь уже смерив Олега цепким взглядом с ног до головы.

— А ты же не за этим пришел. — Он трезвел на глазах, к нему возвращались логика и здравый смысл. — Я тебя правда целую жизнь не видел.

— Два года.

— Полтора.

— Тринадцать месяцев.

— Без разницы. Ты вылез из-под земли не просто так. Ты же не случайно тут вертишься, возле моего дома.

— Случайно.

— Мне не рассказывай! — рявкнул Свистун. — Ничего не бывает случайного! Ты ждал! Ты в засаде сидел! Ты ж у нас ветеран войны, все в войнушку играешь! Чего надо?

Он двинулся на Кобзаря.

— Плащ, — сказал Олег.

— Какой плащ? — Свистун остановился.

— Твой. Если есть при тебе ствол — только там. Давай сюда.

Дмитрий перевел дыхание, громко выдохнул. Сейчас он протрезвел окончательно, и Кобзарь сосредоточился: дальше нужно внимательно следить, контролируя каждое его движение. Но Свистун не спешил. Оценил взглядом расстояние между собой и плащом, демонстративно повернулся, шагнул за барную стойку.

— Ты прав. Нужно поговорить. Все непросто, я угадал?

— Ничего ты не угадал.

— Ты не сам меня искал. Тебя *кто-то* ко мне прислал. Ты придумал, как не говорить со мной при посторонних. Затем и разыграл весь этот спектакль, чтобы девица захотела уйти сама. Так как, правильно все?

Свистун взял початую бутылку виски.

— Теперь я говорю — ты слушаешь, — процедил Олег. — Сегодня твой вечер. Тебе повезло. Не будь блондинки, остался бы там, на улице. Честное слово, собирался показать, что будет, если еще хоть раз тронешь жену и ребенка Артема Головки. Особенно ребенка.

— При чем тут я?

— Закрой хавало! — Олег сжал кулаки. — Я сказал — ты услышал.

Кобзарь увлекся и едва не пропустил — уклонился на секунду позже.

Бутылка должна была попасть в голову, но удар приняло левое плечо.

Свистун уже мчался на него, ловко выскочив из-за стойки.

Прыгнув, Кобзарь потерял равновесие, упал — и тут же бросил тело вбок, чудом избежав удара ста килограммов живого веса, который наваливался сверху.

Они вскочили на ноги одновременно.

Олег нырнул под руку, ударил снизу, достав до челюсти противника. Тот устоял, хотя покачнулся. Повторно ударить не успел, потому что координация еще немного гуляла, несмотря на видимую трезвость. Инициатива все равно была за Кобзарем, он не церемонился — влупил носком в пах Свистуну. Когда тот заорал от боли и согнулся — закончил дело, повалив Дмитрия на стеклянный столик.

Тело сползло на пол.

А потом Олег снова чуть не прошляпил: рука Свистуна скользнула под диван, вынырнула уже вооруженной.

Значит, пистолет был не в плаще.

Или в квартире их два.

Отступив, Кобзарь приготовился ударить.

Тем временем противник, в который раз показывая себя ловкачом, поднялся на ноги, теперь держа Олега под прицелом. Ни один из них не боялся, что выстрел могут услышать. Стрельба и взрывы на киевских — и не только киевских! — улицах стали приметой военного времени. Которая уже скоро три года как никого не удивляет. Пугает, да и то не всех. А вот чего не делают люди, так это не мчатся на выстрелы, услышав их. Наоборот, убегают как можно дальше. И не спешат общаться с полицией.

Кобзарь отчаянно прыгнул вперед, на ходу хватая и резко выворачивая правую руку Свистуна вниз.

Тот вскрикнул — все же не ожидал, что Олег кинется на пистолет.

Палец нажал на спуск от болевого шока.

Одного выстрела хватило.

Оттолкнув его от себя, Олег, как зачарованный, смотрел на место, куда попала пуля. Так еще нужно уметь: бедро, прострелил артерию, теперь кровь текла рекой. Даже опытный хирург не успел бы перетянуть рану — смерть от подобного ранения была делом нескольких минут.

Умирал Дмитрий Свистун удивленным.

А Олег Кобзарь только теперь понял: на самом деле он желал ему смерти.

Теперь единственному сыну его друга Артема больше ничто не угрожало.

5

После себя он убрал.

Нашел влажные салфетки в ванной. Обошел комнату, стараясь не наступать в лужу крови. Вытер всюду, где брался руками. Действовал так, будто двенадцать лет не раскрывал убийства, а сам совершал их. Осмотрев все кругом, убедился: не оставил ничего для себя критичного. Есть, конечно, одна проблема, но она решится быстро и безболезненно.

Выключил свет. Двери закрыл, разобравшись с автоматическим замком. Потянул на себя, услышал — клацнуло, проверил, дернув за ручку. Протер после себя также и ее. Свет выключен, завтра суббота, на службе Свистуна ждать не будут.

Повезет — станут разыскивать не раньше понедельника.

Сев за руль и запустив мотор, Кобзарь с удивлением отметил: у него не дрожат руки. До войны ему доводилось стрелять в человека пять раз, из них два — прицельно, насмерть. Оба случая начальство повернуло как необходимую самооборону, и, собственно, они ею и были. И мандраж он почувствовал только в первый раз. Потом оно как-то прошло.

Сегодня он совершил неумышленное убийство.

Самооборона, хотя кто на кого первым напал — вопрос. Он же собирался покалечить бывшего коллегу. Пусть имел на то формальную причину, но ни один суд ее не признает. Сейчас Олег невольно отметил: ищет себе оправдание. Тогда как на Донбассе, куда полтора года назад пошел добровольцем, совесть его не мучила. За линией размежевания — враг, который намерен убить тебя. Если так, ты должен стрелять в ответ. Желательно — метко.

Тоже самооборона, если что.

Убийство врага поощряется. За это даже награждают, повышают в звании, просто уважают. Если, конечно, враг уничтожен в бою — и это *сепар*, а не мирный житель. Который оказался под перекрестным огнем и действительно ни в чем не виноват. Кроме того, что волей судьбы живет в зоне боевых действий.

До войны Кобзарь писал ненавистные объяснения после применения оружия, переживая бессмысленные по своей сути служебные расследования. Тем не менее всякий раз, когда ситуация

требовала стрелять — палил, не думая о последствиях. Война же погрузила Олега в мир безнаказанных убийств, когда никому ничего не нужно объяснять. Наоборот, кое-кто, явно насмотревшись в свое время военных фильмов, ставил зарубки на прикладах, гордясь каждым застреленным врагом. Почему-то не волнуясь о том, что однажды сам нарвется на пулю. И где-то там, по ту сторону линии размежевания, вражеский солдат точно так же поставит свою зарубку.

Не удивляло теперь полное отсутствие реакции на убийство. Равнодушие к смерти, причиненной врагу, — своеобразный военный трофей.

Ничего иного, кроме разве что нескольких минут сомнительной славы, бывший капитан теперь уже бывшей милиции Олег Кобзарь с Донбасса не принес.

Он пересек двор, озираясь, ощупывая глазами мартовскую тьму. Никого не было, даже окна многоэтажки в это время не густо светились. Остановился прикурить, прикинул, куда выходят окна свистуновской квартиры. Понял — не сюда, квартира угловая. Не спеша обошел дом, огибая с правой стороны. Тут уже вычислил окна и улыбнулся сам себе. Рядом были темные прямоугольники. Соседи, которые могли услышать звук выстрела, или спали, или их вообще дома не было.

На месте сыщика он огорчился бы.

Однако *убийца* порадовался.

Кобзарь вернулся в машину, уселся за руль. Вытащил телефон, выключенный раньше, включил. Тут же запищали сообщения. За время, пока он совершал преступление и заметал следы, пришло пять сообщений, все — заказы. Пробежал глазами, ни одним не соблазнился. Немного подумав, набрал номер, хранившийся только в памяти.

Ответили после первого же вызова.

— Мы же договаривались, Кобзарь.

— Эта линия у тебя защищена.

— Все равно. Твоя — нет. Тот, кому надо, зафиксирует звонок.

— Абонента не определит, Пасечник.

— Зато при желании вычислит место. И уж наверняка время звонка.

— Это если будут искать меня.

На том конце Пасечник вздохнул:

— Лилик, я знаю тебя так давно, как свою жену. И точно лучше.

— К чему...

— К тому! — Тон звучал недовольно. — Если б все прошло ровно, как дети в школу, ты б ко мне так сразу не кинулся. Значит, пошло не так. А мне снова, Кобзарь, за тобой подчищать. Значит, если не подчистить, есть шанс, что ты прокололся и тебя зацепят обязательно.

Теперь вздохнул Олег.

— Жизнь — она не простая, сам же понимаешь.

— Слушаю. — Пасечник успокоился, как всегда бывало в таких случаях.

— В двадцать десять наш друг поехал в клуб «Торнадо», это заведение на Подоле. — Он перешел к манере рапорта. — За неделю, на которой я его водил, был там второй раз. Похоже, частый посетитель, но вряд ли постоянный клиент.

— Это важно?

— Это мой вывод.

— Вот тут ты весь, Лилик. Делаешь выводы, которые никогда не касаются основного дела. Но зачем-то все равно ломаешь над этим голову.

— Всегда хочу знать полную картину.

— Только не всегда она нужна, — отрубил Пасечник. — Вишь, мы уже тратим на лишние трения кучу времени.

В другой раз Олег бы возразил. Тут воздержался. Раздавил окурок в пепельнице, продолжил:

— Я провел его до «Торнадо». Он был один. Назад, домой, приехал через два часа и с бабой.

— Не люблю это слово.

Кобзарь представил, как Пасечник скривился.

— С девушкой, так устроит?

— Свидетель? — Долго объяснять не пришлось, и Олег почувствовал настороженность.

— Пришлось все менять на ходу. Но в результате наш приятель... Как бы это объяснить... Скажем так: налетел на пулю из собственного пистолета.

На том конце долго молчали.

— Как знал. Завелся с тобой... — услышал наконец. — Девушка, надеюсь, этого всего не видела.

— Баба... *девушка* убралась прочь. Но слышала, как наш друг называл меня по фамилии, имени, еще и Лиликом.

На том конце застыло еще более долгое молчание.

— Кисло, — коротко произнесла трубка. — Идеи есть?

— Навалом. Девушку зовут Милена. Имя не такое уж редкое сейчас, но все равно их не так много, как Марин или Оксан. Фамилии не знаю, где живет — тоже. Однако зуб даю: наш друг нашел ее в «Торнадо». Внешность эффектная, имя приметное. Думаю, она завсегдатай.

— Профессионалка?

— Там не клуб с проститутками, Игорь. Не бордель подпольный. Девушка из категории искательниц приключений. Могла поехать с нашим другом, потому что видела его там несколько раз. Доверяет. Ну, и вряд ли у нее это первое подобное приключение.

— Что от меня нужно?

— Аккуратно вычислить Милену. Ресурсы имеешь.

— Ясно. Ложись спать, Лилик. Я сам тебя найду.

— Ага, спать. Работа еще есть.

— Тогда работай, но не надрывайся. Береги себя.

В трубке загудело.

— Твоими молитвами, — хмыкнул Кобзарь, сбросил гудки, переключился на сообщения.

Новое, шестое.

Олег нажал нужную кнопку, вызывая диспетчера.

— Сорок четвертый, я недалеко от «Минской». На Бабий Яр заказ беру.

Не отказался, хотя по такому тарифу в это время мало кто ездит. Все требуют больше и в конце концов получают свое. Но сейчас Олегу хотелось как можно скорее убраться отсюда. Так что он не капризничал.

Пассажиры ждут. И будут немало удивлены скоростью подачи машины.

6

Кобзарь открыл двери и шагнул в привычный бардак.

Жил он в однокомнатной квартире на четвертом этаже девятиэтажки в недрах Святошина. Когда-то в соседнем доме получил служебную, двухкомнатную, которую потом Пасечник через знакомого юриста помог без проблем приватизировать. После развода равноценно разменять ее не удалось. А продать не выходило: жилье стремительно переставало быть ликвидным товаром.

С женой расходились за два года до начала войны. Уже тогда агентства недвижимости падали густо, чуть ли не каждый день. Их собственники становились частными перевозчиками, Олега самого несколько раз подбрасывали по делам вчерашние брокеры. Его нынешняя работа в такси — идея, подсказанная временем. Других вариантов для тех, кто имеет авто, потерял постоянный заработок, устал от всего и ценит независимость, не стоит и искать.

На то время Кобзарь еще служил в розыске. Отношения с бывшей дошли до состояния, когда пребывание под одной крышей, даже если у каждого есть отдельная будка, становилось физически невозможным. Он ночевал или в кабинете, или у Головки, чья жена в то время еще не забеременела и кому посторонние в доме не мешали, а иногда — в пустой камере, если такая находилась. Единственное неудобство создавала невозможность регулярно ходить в душ. Но Кобзарь со школы научился принимать себя таким, как есть, не пытаясь поломать природу и стать лучшим.

В данном случае — более опрятным.

Он привык сосредотачиваться на чем-то одном, преимущественно на работе или просто на том, чем занят теперь. Эта привычка выработала черту, которая многими воспринималась негативно. Он не заботился о внешнем виде и бытовом комфорте. В отличие от многих людей, в том числе бывшей жены, Кобзарь мог надеть и надевал что попало. Одежду носил в основном мятую, так что старался выбирать то, что не так очевидно мнется. Мог не мыть машину, не чистить обувь или просто не вытирать грязь. Брился через два раза на третий, а как выпадал случай, то зарастал щетиной. С прической решил просто: стригся коротко или вообще под ноль, чем раздражал бывшую сначала тихо, на уровне бытовых шуток, а потом всерьез.

Состояние рабочего стола Кобзаря полностью соответствовало характеру и внешности хозяина: горы бумажек, в шкафу и ящиках при желании можно было найти клад или хотя бы артефакт. При этом он постоянно искал какой-нибудь нужный документ, что отнимало больше времени, чем может себе позволить оперативник. Зато он знал наизусть его содержание, потому что обладал воистину уникальной зрительной памятью — и не только зрительной. Ведение протокола допроса он считал карой небесной: не любил тратить время на писанину. Зачем, если услышанное он держит в голове, всегда вспомнит, кто, когда и о чем говорил? Бюрократия доводила его до бешенства, так что часто после разговора Кобзарь давал визави чистые листы и ручку, чтобы тот записывал все только что сказанное, до малейшей подробности. Когда Пасечник как начальник все же требовал привести дела в порядок и надлежащим образом оформить, Олег выполнял, но всем своим видом демонстрировал нечеловеческие страдания.

Дома творилось то же самое.

Одежду он никогда не вешал и не клал на раз и навсегда предназначенное для нее место. Если жена убирала, всегда ругался, потому что не мог ничего найти. В конце концов она смирилась с кроссовками и ботинками в ванной, свитерами на кухне, рубашками и футболками под кроватью в спальне, с носками возле тумбы для телевизора. Когда разводились, она ни одним словом не упомянула бардак вокруг себя, потому что признавала вслух и не только в глаза, но и заочно: где бы ни валялись носки, в голове Олега всегда был такой порядок, что дай Бог каждому.

Она смирилась с тем, что муж считает все подобное не заслуживающими внимания мелочами. Особенно если имеет цель, к которой нужно идти несмотря ни на что. В его случае — найти очередного убийцу, маньяка или насильника. И правда, тут не стоит обращать внимание на мелочи.

Проблемы начались, когда пришло понимание: с какого-то момента, который она пропустила, душегубы вытеснили ее из головы Кобзаря.

Вот так пошел необратимый процесс.

Пока Олег искал решение квартирного вопроса, на бытовые неудобства не обращал внимания. Но однажды почувствовал: он портит жизнь другим. Уже из милицейского главка интересовались

у Пасечника, почему это в Святошинской управе офицер спит в камере предварительного заключения. Найдя визитку одного из бывших брокеров, который жаловался на проблемы с законом и бандитами одновременно, Олег позвонил, встретился и поговорил с человеком по душам. У того осталась небольшая клиентская база, которая не потеряла актуальности из-за того, что потенциальные покупатели все равно не могли дать *настоящую* цену. Ведь посредники включали в нее свой процент, это увеличивало стоимость. Кроме того, на бывшего брокера давил долг — надумал в начале кризиса занять, чтобы удержать контору и сотрудников, и теперь приходилось сосать лапу. Капитан милиции, тем более из «убойного» отдела, имел возможности все это решить. А за это получил несколько контактов людей, готовых платить напрямую. Поторговался, немного скинул, знакомый юрист оформил сделку почти даром.

А потом Кобзарю повезло. Нашлась крыша над головой — однокомнатный скворечник в родном районе, недалеко от прошлой квартиры. На нее впритык хватило половины денег, полученных от бывшей. Там жил алкоголик, который продал все из дома и наконец, к тихой радости родни, умер на грязном матрасе. Избавиться от наследства в виде недвижимости, которая внезапно свалилась на голову, все хотели очень быстро. Олегу оставалось лишь опередить других желающих.

Конечно, теперь тут была старая, купленная по объявлениям мебель. Новый собственник обставил жилище в минималистическом стиле. Зато ничего лишнего. Широкий, достаточно удобный и тяжелый, из натурального дерева диван. Кобзарь его разложил один раз и спал, временами даже не застилая. Глубокое кресло, тоже из дерева, единственным недостатком которого бывший владелец считал потертую обивку. Комод, телевизор на нем — Олег время от времени любил валяться и переключать каналы, без всяких мыслей следя за тем, как мигает и меняется картинка. Единственная новая вещь — ноутбук, у которого не было отдельного места. Больше свою обитель отшельника он ничем не обременил. Грязную одежду носил в прачечную. Пока не запачкал — бросал на кресло, кухонную лавку или на пол.

Именно так Олег Кобзарь представлял себе уютное жилище.

Вернулся он ближе к трем часам ночи, после Бабьего Яра взяв еще три заказа. По дороге назад привычно завернул в круглосуточный маркет, прихватил бутылку виски. Дешевого, даже, как он подозревал, поддельного. Однако от водки у него была изжога, а коньяк подделывали чаще и хуже.

Куртку — на вешалку в маленьком коридоре.

Джинсы и свитер — на кресло, в общую горю *шмоток*.

Включил телевизор. Устроился на диване как был, в одних трусах.

Пил он не из-за того, что тянуло, не считал себя алкоголиком. Тем более не из желания помянуть Свистуна, не заслуживающего доброго слова и после смерти. Тот еще до сегодняшнего дня успел нажить себе адский котел.

До войны Олег мог спать по ночам. Не всегда высыпался, спокойный и здоровый сон вообще был редкостью. К такому режиму привыкает всякий сыщик.

А вернувшись с Донбасса, просто перестал спать.

Потому и подписывался на ночную работу чаще, чем кто-либо другой.

Алкоголь усыплял, только когда в бутылке оставалась треть. И все равно сон был коротким. Зато — был, и это уже хорошо. Остатки Кобзарь находил в себе силы не допивать утром, а выливать в унитаз.

С экрана подмигнула какая-то певица, послала воздушный поцелуй.

А потом он услышал взрывы — они всегда начинались в голове, когда он засыпал. Понимал: это похоже на начальную стадию шизофрении. Но иначе, чем под канонаду, заснуть не мог.

Даже после выпитого.

— Тянет тебя к таким местам.

— Нормальное место. А тебе не надоело всякий раз на это жаловаться?

— Нужно расти, Лилик. Такие гадюшники карму портят.

— Ага. Зато кабаки, в которых привык сидеть ты, карму чистят.

Игорь Пасечник сейчас не выглядел на миллион долларов, как надлежит руководителю службы безопасности большой корпорации. На встречу он пришел в скромных, даже немного запачканных джинсах, дешевых ботинках, сером свитере под горло и синем пальтишке, явно родом из секонд-хенда. Образ вечного *бюджетника* завершала неизвестно на каком чердаке откопанная войлочная кепка.

Как только мужчины устроились за дальним столиком, Пасечник снял ее, обнажив овальную проплешину.

Она уже намечалась, когда Кобзарь пришел работать в отдел по раскрытию особо тяжких преступлений. Переход совпал по времени с назначением Пасечника начальником отдела. Он уже тогда напоминал не грозного охотника на убийц, а простоватого дядьку, косолапого медвежонка. Так опера называли Пасечника за глаза, когда его еще не поставили старшим над ними. Позже, уходя на повышение в главное управление, кличку он забрал с собой. Бывая там время от времени, Кобзарь собственными ушами слышал в коридорах, как Медвежонка поминают незлым тихим словом.

В свои сорок восемь отставной подполковник Игорь Пасечник выглядел лет на десять старше. Уже наметились мешки под глазами. Нос-картошка делал его похожим сразу на нескольких актеров-комиков. Регулярные — Кобзарь это знал — походы в спортзал и бассейн не уменьшали кругленького пузика, которое тот старался скрыть, туже затягивая ремень. Однако внешность его была, как во многих случаях, обманчива. Того, кто успел узнать Медвежонка ближе и лучше, точно не собьет с толку этот мирный образ типичного селянина. Пасечник отличался острым умом, умением разрабатывать стратегии, рисковать и принимать не всегда обычные решения. Начинал он службу снизу, с патруля. Уже потом, став оперативником, изучил все нюансы своей работы. Возглавив отдел, всегда принимал их во внимание, делал поправки на то, что идеала не бывает и стандарты

всегда можно нарушить в пользу конечного результата. Из-за этого хватку имел железную, как всякий, кто мыслит нестандартно.

Неудивительно, что однажды Пасечнику стало тесно на должности вроде бы руководящей, достаточно высокой, но вместе с тем такой, которая не давала возможности решать что-то самостоятельно. Одновременно он переставал быть удобным для милицейского руководства. Опережая неприятные события, Пасечник тихо ушел в отставку по состоянию здоровья, хотя тут мог дать фору многим. А через короткий промежуток времени занял незаметную должность в финансово-промышленной группе «Капитал-Украина», которая имела интересы в разных сферах — от банковской до производственной.

Конечно, подполковник договорился о таком ходе заранее. И не только из-за усталости от кабинетной, преимущественно неэффективной работы. Это случилось сразу после скандала на Николаевщине, в маленькой провинциальной Врадиевке.

Тем летом врадиевские милиционеры похитили, избили, изнасиловали и чуть не убили молодую женщину. Она спаслась чудом, едва живой попала в больницу. А когда пришла в себя — увидела одного из палачей перед собой. Он, будто так и нужно, пришел брать у потерпевшей показания. Дело по привычке замяли и свернули, потому что тамошнее милицейское руководство имело покровителей в Киеве, в главном управлении. Но местные жители потеряли терпение. Они сплотились и пошли крушить милицию. История прогремела и вспоминается до сих пор, лишний раз подтверждая: система прогнила. Не хочешь замазаться бесповоротно — надо паковать вещи.

Мудрые делали так.

Игоря Пасечника дураком не называли даже враги.

Он оказался еще мудрее.

Потому что в том же году начался Майдан, и каждого, кто тогда служил в милиции, народ проклял как устно, так и в социальных сетях. Достаточно было просто носить форму, иметь звание и должность, чтобы оказаться слугой преступного режима. После победы Майдана и с началом войны волна вымыла из органов многих. Каждый имел клеймо, которое старался вытравить, как знал и умел.

Олег Кобзарь, например, пошел добровольцем на Восток.

Чтобы вернуться с еще большим позором и окончательно сменить род деятельности.

Пока ему не напомнил о себе бывший начальник Игорь Пасечник...

Тут, в «Фильтре», старые приятели встречались во второй раз.

До того Медвежонок приглашал его в неприметные, дорогие и помпезные, обычно пустые рестораны. Даже вечером выходного дня в залах не бывало посетителей. *Мэтры* здоровались с ним, не проявляя больше никаких эмоций, официанты ни о чем не спрашивали. Пасечник, в свою очередь, не просил меню, всегда заказывая по памяти.

Кобзарь еще в розыске подобные заведения преимущественно обходил стороной. Его клиентов чаще можно было найти в дешевых забегаловках, а то и вовсе в заброшенных квартирах, притонах, подвалах, у проституток, на дальних окраинах. Словом, всюду, куда человек, которого принято считать приличным и солидным, зайдет лишь в крайнем для себя случае.

Например, в кафе «Фильтр».

На самом деле оно так не называлось.

Над дверью собственник разместил скромную табличку «Бистро», и тут собирались окрестные маргиналы. Совсем уж притоном «Бистро» не выглядело: деревянные столы в два ряда с лавками, запрещалось курить, пьяным не давали упасть — выводили по просьбе, а чаще по требованию Зои или Кати. Женщины работали тут поочередно, в их обязанности входило разливать алкоголь, делать кофе-чай, греть в электрической печке котлеты, вареную картошку, блинчики с творогом-мясом, зажаренные куриные крылышки и пирожки. Буфетчицы будто нарочно прошли пробы и получили роли, настолько колоритной выглядела парочка. Зоя — приземистая, коротко стриженная, полноватая, не часто улыбалась. Катя, наоборот, длинная, худая, одну прическу не носила долго, постоянно шутила и могла налить в долг, если, конечно, клиент постоянный и проверенный. Единственное, что объединяло обеих: это были женщины, чей возраст невозможно определить на глаз.

Сегодня была смена Зои.

Расположение забегаловки оказалось очень удобным для местных таксистов. С одной стороны — стихийный рыночек, с которым прежде не могла справиться милиция, а теперь полиция. Рядом спальный район, почти весь застроенный старыми «хрущевскими» домами. Чуть

дальше — конечная остановка сразу нескольких маршруток. Все размещалось вокруг небольшой площадки, все пути которой вели к «Бистро». Так сложилось, что в округе не было другого места, где с восьми утра до одиннадцати вечера можно выпить кофе. И таксисты давно освоили местность, сделав участок рядом с кафе своей базой. Подобные неформальные стоянки они называют *фильтрами*. Нет ничего удивительного в том, что забегаловку, куда постоянно наведывались, они тоже стали звать между собой так. А со временем название «Фильтр» распространилось и по всему микрорайону.

Если бы Пасечник появился тут, одетый привычно для себя, на него обязательно обратили бы внимание.

— Олег, кофе свой заberi! — гаркнула Зоя.

— Момент.

Кобзарь сходил за двумя бумажными стаканчиками эспрессо, поставил один возле Медвежонка и хмыкнул, когда тот брезгливо поморщился.

— За точно такой ты в понтовых кабаках платишь тридцать гривен.

— Пятьдесят. — Пальцы Пасечника осторожно, будто это было хрупкое стекло, стиснули стаканчик с двух сторон.

— Тут шесть таких выпьешь, еще и сдачи дадут.

Медвежонок вздохнул — так уставшие родители реагируют на непослушных упрямых детей.

— Почему я постоянно должен за тобой подтирать, не знаю и не узнаю никогда.

— Не так уж и постоянно.

— Ага. — Пасечник кивнул, слегка пригубил кофе. — Когда был твоим начальником, прикрывал тебя через два раза на третий. Именно тебя, Лилик. Не Головка, не Нагорного, не Свистуна...

— Ну-ну, вспомни весь отдел поименно. Может, соберешь всех, выпьем, подуреем. Без Свистуна, ясно.

— Знаешь, как говорят: своей дури хватает, — отмахнулся Пасечник. — Не прыгивай с темы, Кобзарь. Говорим по делу и разбегаемся. Жена ждет. Она долго не может одна, забыл?

— Не забыл. Как Алла?

— Держится.

— Не лучше?

— Сейчас лучше. Потому и держится, пока снова не стало хуже.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ